

Пленники
Повесть

Перевод Мадина Эльдаровой

И солнце было своего обычного цвета, и земля, и воздух. Зной, неподвижно висевший в воздухе, иногда лишь вздрагивал от легкой прохлады, льющейся от деревьев. Двое мужчин шли по дороге. Один – молодой, другой – пожилой. Солнце, казалось, сводило с ними личные счеты, било прямо в глаза. Они не разговаривали, занятые тем, как бы уберечься от палящего зноя. И тот, и другой в душе ругали светило. Молодой подумал, что солнце раскаляется оттого, что смотрят на него, и прикрыл голову куском газеты, в которую до того был завернут хлеб. На фотографии в газете был запечатлен солдат с розой в руках. В газете жизнь была прекрасна. Он думал и об этом тоже. Ему вспомнились розовые кусты, посаженные матерью во дворе, и то, как каждый год 1 сентября носил он в школу букет роз. Те розы словно для школы и были посажены. Их рост и возраст оказались со школьные годы. А после они просто высохли. Парень будто сейчас понял почему. Может, цветы те росли, пока нужны были школе, а потом и высохли, за ненадобностью.

Фотография на клочке газеты была единственным напоминанием ему о доме, о старых отце с матерью. Даже в этот тяжелый жаркий день мать приходила ему на помощь. Хлеб, который он ел со вчерашнего дня, в газету, чтобы не заплесневел, завернула ему она. В памяти остались сухие, морщинистые руки матери, заворачивающие хлеб, ее грустные влажные глаза, и отец, что, дымя сигаретой, сидит на пне во дворе с посеревшим, поблекшим лицом... Вспоминался ему и несмолкающий звон цикад на соседском плетне, и шумная возня соседской ребятни. Их призрачные голоса то и дело начинали звучать у него в мозгу, и тогда особенно остро ощущалось желание присутствия и участия родных...

Вот уже три дня, как они вышли из дома. Два дня их продержали в старой солдатской казарме. На третий отправили на позицию. Правда, где она находится, не объяснили. Прошедшие дни виделись ему долгими годами. Тихонько он напевал себе песню Чабана, вспоминая предание о жившем в пещере Чабане, судьба которого была ему неизвестна...

Пожилой мужчина не желал отставать от молодого нетерпеливого парня, у которого пока еще кипела в жилах кровь, бурлила любовь к жизни. Все это время думы и мысли его были о найденном и спрятанном ими танке. У танка оказались сорваны гусеницы. Получив разрешение командира отлучиться на пять минут, он вызвался все исправить. « Не успеете и в лес войти, как мы вас догоним», - заверил он . В подмогу себе оставил еще и парня. Наладив гусеницы, он охотно поводил танк, покругил на месте и даже закричал от радости. Хлопнув молодого по неокрепшему еще плечу, глядя на массивный корпус танка, длинное дуло его, восхищенно сказал: « Это гора, а не танк! Теперь поглядим, кто устоит перед ним!» Не обращая внимания на удивление и вопросы солдата, повел танк в ложбину. Затем вынул из кармана припрятанный от командира нож, нарезал длинных веток с деревьев, вместе с парнем прикрыл ими танк, и только после этого они отправились догонять отряд.

А отряд давно уже прошел лесок, что был впереди, поэтому молодой теперь ругал и пожилого, и танк его вместе взятые. У самого же пожилого при одном воспоминании о широком корпусе и мощи танка, сердце начинало прыгать в груди. Он радовался, представляя, как вернется на нем в село, станет пахать землю, будет впереди всех, перевыполнит план в десять- пятнадцать раз... Колкости молодого по поводу перевыполнения плана нисколько не задевали его, наоборот, раззадоривали, и он был уверен, что вернувшись, докажет ему, насколько был прав...

Обувь свою он снял и нес в руках. «Никогда у меня не был нового трактора», - снова пришли ему на ум слова, которые повторял он, может быть, каждый день, всегда при этом вспоминая свой первый трактор...

За руль трактора его посадил сосед, чтобы выучить и посылать, когда придет очередь, пасти коров. В селе был всего один тракторист. На счастье, их сосед. На самом деле, его и учить не пришлось, сам выучился. Он и школу бросил из-за трактора, все крутился возле него. Домашние были рады, когда он впервые сел за руль. Больше всех отец, потому как теперь было кому заменить отца-кормильца. Если и умрет, печалиться не о чем. Мать же соседней ругала, страшно недовольна была. Она мечтала видеть сына врачом или учителем, потому что устала стирать их грязную замазленную одежду. Хотела, чтобы сын, руки в брюки, насвистывая, ходил бы в школу... «Как будто мальчик стал бы ученым», - говорил отец... То же самое было и с его младшим сыном. Он вспомнил, как напрасно побил мальчика из-за того, что тот также хотел быть трактористом. Сердце его заняло. «Кому что на роду написано, то и будет, больше уготовленного судьбой не съешь», - вздохнув, подумал он про себя... И снова мысли его вернулись к спрятанному танку: «Даст Аллах, все будет хорошо, и тогда никто не встанет мне поперек дороги». Любовь к жизни переполняла его, заново будила чувства, ощущения, и он вполголоса запел «Гарабаг шикестеси»¹. Однако сухость в горле и на губах скоро заставили его умолкнуть... Доносившиеся откуда-то звуки цикад сливались со спокойной тишиной воздуха, солнца, земли... Эти звуки он считал почти близнецами своими, потому что они были первыми услышанными им в жизни звуками. Цикады напоминали ему голос матери, он слышал эти звуки в своих снах. Странно, скажи он об этом в селе, его бы засмеяли...

В пыли под ногами копошились мелкие насекомые. Оглядываясь назад, путники не верили, что прошли такое расстояние, что страна их так велика. Интересно, почему в последнее время он не задумывался над этим. В молодости он не скучал по этим местам. И на тракторе сюда не заезжал. Мужчина раздумывал. А по обеим сторонам дороги виднелось незасеянное, поросшее травой поле. Лес был недалеко...

- Ты хорошо его упрятал? А то я на твою сторону не заглядывал, - спросил мужчина.

Получив утвердительный ответ и пройдя еще немного, он снова повернулся к молодому. На этот раз остановился, глядя ему прямо в глаза:

- Ты хорошенько уложил ветки? – и тут же добавил уже для себя. - Надо было еще раз проверить...

Молодой кивнул и сказал:

- Да кто его увидит, развалюху эту.

Косо глянув на молодого бородавчатыми глазами, он ответил:

- Тебе не оценить такой вещи. И с чего ты взял, что это развалюха?... Ну, а увидят, так увидят...

Однако, пройдя еще немного, спросил:

- Может, вернемся, посмотрим?

- Нет, проехали, - сказал молодой, - не станем же мы гробить себя из-за какой-то железяки. Наши, небось, далеко уже.

Дойдя до леса, остановились.

- Раньше я тут часто бывал, - сказал пожилой мужчина. – Когда-то у кромки леса стоял большой дуб. Ты тогда еще ребенком был...- Он посмотрел на молодого, вытер пот с шеи и зло проговорил:

- Что за лес такой! Как будто и лес уже не лес...

Лес же весь был в полянах, на порядочном расстоянии друг от друга.

-А каким же должен быть лес? – спросил молодой просто так, лишь бы сказать что-то.

- Вернемся, - вдруг сказал пожилой.

- Куда?

- Как куда? А то не знаешь! Я чувствую – ты плохо его завалил.

- Иди сам, - ответил молодой. – Я не могу отставать от отряда. И командир мне не нравится.

¹ Шикесте – восточная мелодия

- Не бойся, он – наш человек. Сын Мириша. Ничего не скажет.

- Он на это не посмотрит. Говорит, в армии, да еще на войне, землячеству не место.

- Это его подзуживают те, что рядом. Не обращай внимания, мясо съест, костей не выбросит. И потом это не война. Война где-то далеко. А это просто наказание Божье, куда мы попали. Не верю, что долго протянется. Да и не солдат я вовсе. Тракторист. Я ко всему этому отношения не имею. Все равно вернусь в село, понял?!

Последние слова он произнес так, как будто все зависело от этого молодого парня и его умозаключений.

- Вернемся... У меня не те года... Да и ты по возрасту не подходишь. Вчерашний ребенок. Если что, пойдем в село. Кто нас станет искать?

Над видневшимся вдаль лесом, вскрикивая, в синем небе кружил орел. «Вероятно, что-то увидел орел», - подумали оба. Но утомленные слепящим солнцем, глядя на кишашую насекомыми землю под ногами, поднимая за собой пыль, они продолжили свой путь. Звуки цикад и лесных насекомых заливали все вокруг. Вдали виднелось дымящееся село.

Знойную тишину нарушил молодой:

- Видел, и там подожгли. Никому в селе не нужен будет твой драндулет.

Пожилой покосился на него, и в это время впереди них пробежала собака. То была его собака.

- Не узнала меня, - пробормотал он.

- Это потому что одежду сменил, - отозвался молодой.

- При чем тут одежда, по запаху признать должна была. Обиделась просто. Не выпустил я ее, когда уходил...

У обоих пересохло во рту, но ни один не признавался в этом. И снова заговорил пожилой:

- Сгорим от жажды. Здесь где-то родник должен быть. Водой пахнет, - и свернул к кустарнику посреди пустоши.

Молодой будто впервые видел эти места, хотя в детстве немало воды было выпито им из здешнего родника... Тогда и оставленная ими позади равнина была лесом. А лес был сплошь в полянах. Теперь здесь остался лишь этот кустарник, потому что под ним был родник. Ни один тракторист не решался перепахать его. Так он и остался. Каждый год, во время весенней и осенней пахоты, трактористы объезжали его стороной... В первый раз родник показал ему дедушка... Он говорил: «Воду так не пьют. Родник обидится на тебя. Видишь, как бурлит. Так же и пить его надлежит». Бросив под ноги охапку травы, дедушка становился на нее коленями и припадал ртом к роднику. А когда поднимал голову от воды, с усов и бороды его стекали капли. Он так пить не мог. Вода попадала в нос. Вкус той воды он до сих пор ощущал во рту, в носу...

Родника на прежнем месте не оказалось. И кружа вокруг этого места, он словно за руку водил за собою детство...

Каждую весну отец, мать и дедушка в повозке, запряженной ослом, вместе со всем селом выезжали за травой. Кто первым захватывал поляну, за тем она и оставалась. Но сначала надо было получить разрешение у государства.

Должен был пройти дождь, так как обильный урожай зависел от дождя. В этих местах многое было связано с дождем. Честно говоря, он и сам не понимал, что лучше, солнце или дождь. Потому что, если не было солнца, пели песни о солнце, без дождя – о дожде. «Солнце, солнце выходи, на гнедом коне взойди. Лысую девочку из дома не бери, длинноволосую с собою приведи. Солнце, солнце выходи».

Когда же не было дождя, люди по несколько дней проводили во дворе, там же спали и возносили молитвы Аллаху о дожде, несущем богатый урожай. Вечерами в засушливые дни бабушка рассказывала сказку о Дожде...

«В давние-предавние времена заболела как-то у падишаха дочь. Ни один лекарь не мог избавить ее от напасти. И вот падишах пообещал отдать дочь в жены тому, кто ее вылечит. А вылечил ее явившийся откуда-то с небес юноша по имени Дождь. Падишах,

однако, слова не сдержал. Тогда дочь попросила Аллаха превратить ее в бесплодное дерево, дабы оборвался род падишаха. Всевышний услышал ее и превратил в Иву. Не вынеся такого горя, юноша обернулся водой и ушел на небеса. Поэтому, если дождя долго нет, трясут иву, чтобы дождь пришел ей на помощь...». Во время дождя дедушка приговаривал: «Тряси сильней, вот так, сынок, вот молодец». Сверкала молния, гремел гром, лил сильный дождь. А он все тряс и тряс маленькую веточку ивы...

Дождь предвещал изобилие. Поля хорошо родили, у государства оставались излишки от зимних припасов, и тогда разрешалось косить траву в лесах. Позже эту часть леса вырубали и засеяли зерном. Но родник оставался... Отец с дедом косили траву. Мать приносила им воду из родника, кипятила чай. А он до вечера ловил бабочек, насаживал на палочки цикад. Мать устраивала ему постель в повозке, устилая дно ее душистой свежескошенной травой. И он, глядя на солнечные блики в кронах деревьев, засыпал под лесные звуки. Словно откуда-то издалека доносились голоса людей с соседних полей, голоса лесных птиц, удода... И каждый раз ему снился один и тот же сон. Будто взобрался он на гору в цветах и падает с нее. Мать говорила: «Падаешь, значит, растешь, не бойся».

Потом он видел продолжение сна. Он выходит в дальнюю дорогу. И дорога та нескончаема... В пути он встречает возвращающегося из дальнего странствия Чабана, прожившего в пещере много лет. Чабан сообщал ему конец истории, которую рассказывал отец, но он не мог ничего запомнить... Мать говорила, что ему предстоит дальняя дорога...

Пожилой мужчина сбил ноги, но и, прихрамывая, не хотел отставать от молодого. Отстань он, так уже не взять ему верха над молодым. В такой ситуации все определяет не возраст, а сила и власть. Потерять силу – значило потерять власть... Отсутствие воды и его наводило на воспоминания об этих местах. О том, как он впервые приехал сюда на тракторе, как гордо грузил на него скошенную траву, как губами и нутром чувствовал прохладу и свежесть родниковой воды...

Убедившись в том, что поиски родника ни к чему не приведут, они ушли с поляны и направились к видневшемуся вдалеке лесу. Молодому человеку уже порядком надоело висевшее на плече ружье. Натертое плечо саднило. Он то перекидывал ружье с одного плеча на другое, то брал его в руки, то шел, опираясь на него. Разве может быть дорога такой долгой. Теперь уже ни один из них не верил в то, что они найдут отряд.

Да они и не искали его все это время. Были заняты родником. Молодой обижался на солдат из отряда. Могли бы подождать. Ничего бы с ними не случилось. Все равно до сих пор не сделали ни одного выстрела. От тишины уши глохли. Впереди виднелся густой лес. Все надежды были на него...

По предложению молодого решили отдохнуть под одиноким тутовым деревом у дороги. Оба легли, подложив обувь под голову.

- Один Аллах знает, где теперь наши, - сказал молодой, чтобы как-то оправдать свое предложение.

Пожилой с ним был согласен.

Молодого звали Явузом, пожилого – Халил. Но они не звали друг друга по имени. Это было неуместно меж двумя спутниками, ведь и так ясно, к кому обращаешься.

«В небе светится звезда, на земле под нею я, впереди дорога дальняя...», - тихонько пропел парень и задремал, прикрыв глаза, но жажда не дала ему поспать. Откуда-то издалека послышалась ему песня Чабана... «С неба месяц глядит. Лунолика мать у калитки стоит. Все-то она на дорогу глядит...»

Вскоре жажда заставила их подняться и продолжать путь в надежде найти родник...

Солнце висело прямо у них над головами, от жары невозможно было дышать. Стоило поднять голову и посмотреть вперед, как глаза начинали болеть и слезиться. Оба шли молча. Если бы не лес впереди и не родник в лесу, они, наверное, давно бы уже повалились на землю и остались лежать на выжженной солнцем равнине. Во всяком случае молодой думал именно так. А пожилой с каждым шагом все больше хотел вернуться назад, забрать

спрятанный танк и вернуться в село. Но позади оставался долгий путь, а до леса было недалеко...

- Эй, стойте, кто вы? – грубый голос прервал их молчание. Кто-то спросил из-за дерева у кромки леса, и тут же затем высунул голову. Молодой хотел уже бежать в лес, но пожилой остановил его:

- погоди, не беги. Это наш, Армик. Я хорошо его знаю. Дети его у меня на коленях выросли. Он ничего плохого нам не сделает.

Казалось, он даже обрадовался этой встрече. У Армика был кривой длинный нос. Подходя к нему, мужчина, чтобы разрядить обстановку, пошутил: «А тебе идет этот костюм, кум!». Но тут же понял неуместность своей шутки: Армик был не один. Рядом с ним выросла еще пара армян. «Что ты здесь делаешь?» - спросил пожилой.

- Мусульман караулим, - ответил Армик и улыбнулся. Потом добавил: «Мы вас не тронем, только отдайте нам ружья».

Молодой не хотел отдавать ружья. «Не могу, - сказал он. – Оно дедово».

- Там внутри ведь не орехи, - отрезал один из армян. – Если кому-нибудь набить этим живот, будет больно...

Потом их увезли в старом грузовике...

Посадили в сарай, где пахло коровьим навозом и мочой. Скотину только-только вывели. Воды, что дал им Армик, едва хватило смочить губы, но он обещал принести еще, когда уснет командир.

- Армик – хороший парень. Вот увидишь, вреда от него не будет. Сейчас и воды принесет, - сказал пожилой, чтобы положить конец сомнениям и узнать, о чем думает молодой. – С детства, можно сказать, росли вместе. А дрались столько... Я и на его, и на свадьбе брата его был, танцевал... Хороший парень, - повторил он...

Пришел Армик, заглянул в отверстие в двери, но воды не принес. Сарай был разделен на две части. Перегородка давала понять, что в той части, где сидели они, держали коров, а в другой – баранов.

- Зачем дверь запер? Не доверяешь нам? – по-свойски обратился пожилой к Армику, демонстрируя бодрость духа. – Никуда мы не сбежим.

- Клянусь Аллахом, кум, это не я, командир распорядился, - сказал Армик.

- Твой-то где? – спросил пожилой мужчина, имея в виду его сына, ровесника своего.

- Аллах его знает.

- И мой тоже.

- Какие их годы, - сказал Армик.

- А как сестра Анаит, хорошие у нее кутабы получались.

- Иногда дети, по случаю оказавшись здесь, приводят и ее, а то и сама придет, чего-нибудь принесет... Но лучше пусть она тебя не видит, женщины не должны мешаться в такие дела.

Пожилый мужчина волей-неволей согласился.

Сначала увели молодого, потом его. У командира был кривой нос и большие очки. Кажется, он видел его в кино. Правильно говорит молодой: все они на одно лицо.

- Может, ты скажешь? - по-армянски спросил командир. Армик переводил на азербайджанский.

- Что?

- А то не знаешь? Где танк?

- Какой танк, - он смешался от неожиданного вопроса, а потом добавил, - я ничего не видел.

- Вот всегда так, пока не поколотишь, не поумнеют.

- Я – всего лишь тракторист, откуда мне знать, что такое танк.

- Не придуривайся, как раз тракторист и знает цену танку...

Даже убили бы, он не сказал бы. С трудом нашел танк и отдавай его армянам!

- Подумай хорошенько, - говорил командир. – Из-за Армика не трогаю тебя. Одной земли люди. Что такое танк? А потом мы вас обменяем на наших.

Лишь пройдя несколько метров до сарая, он осознал, наконец, что попал в плен, и тогда дрожь пробрала его. Разве так попадают в плен? Он и не воевал вовсе. Их должны отпустить. Они никого не убили. Даже не выстрелили ни разу. Ничего не стоит это проверить... К тому же он друг детства Армика.

Молодой, задумавшись, сидел в углу... Он как будто немного успокоился после того, как его допросил командир Армика. Их, вероятно, отпустят. Должны отпустить. Ведь его ждут отец и мать. Только бы вернули дедово ружье... Чувствовалось, что солнце только зашло. Сейчас все, наверное, вышли к каналу и, наломав ивовых веток, отгоняют комаров.

И отец во дворе разжег кизяк, чтобы отпугивать комаров. Он вспомнил двор и висящую на заборе косу. Перед глазами его заплясали солнечные блики на блестящем лезвии косы. А может, отец этой косой сейчас косит траву, а мать складывает ее в телегу.

Если она не так складывает траву, или, не выдержав тяжести полных вил, неловко переваливает ее на другую сторону телеги, отец сердится. Ему стало жаль мать, сердце заныло. «Где-то они теперь?» - подумал он. Отец говорил: «Я никуда отсюда не пойду. Куда я пойду, оставив эту землю?»

Он был единственным ребенком в семье. Поздним и трудным. В кустах нашли. В детстве, всякий раз стоя перед зеркалом, он спрашивал у деда: «Где вы меня взяли?» И верил, когда тот отвечал, что под кустами. Волосы у него курчавым кустом торчали на голове... Сейчас мать, наверное, достала его детскую фотографию. «Поскорее бы ты вырос, женился, и родила бы мне жена твоя внука». Отец же, дразня ее, говорил: «Сама роди. Не утруждай парня». Обоих поддевал отец одним словом. Где-то они теперь... Может, в пути... Отец должен был рассказать его сыну историю Чабана, который из-за предательства друзей и людей долгие годы жил в пещере с Волком. «Когда кончились бараны, Волк нацелился на Чабана». А Чабан? Что с ним случилось? Вернулся ли он домой?

«Потом расскажу, - отвечал отец, - твоему сыну...»

А как же Чабан и сын Волка? Ведь пещера была заперта. «Пришло время, и Волчий сын, Волк, вышел из пещеры...» Как? Отец этого не сказал. В который уж раз он подумал об этом. Да и не забывал он об этом до сегодняшнего дня. Они не могли никуда уйти, оставив его. Он тоже ждал дня, когда мечта отца воплотится в жизнь... Думая обо всем этом, он скучал и томился. Только теперь он понимал оказавшихся вдали от родины людей, о которых читал в книгах. Вернувшись, он обязательно перечитает те книги и перескажет отцу с матерью, живущим мечтою о женитьбе его, о внуках. Возможно, отец с матерью и не поймут его мыслей, потому как люди они неграмотные и имен Одиссея, Бейрака, долгие годы бывших в ссылке, никогда не слышали. Но они могут прочувствовать их, потому что когда-то чабан из их села, а, может, из соседнего, долгое время жил в пещере... Он никак не мог вспомнить продолжение этой истории. Даже если бы и вспомнил, не смог бы пересказать его так интересно, как отец. Может, у предания того и начала-то не было, как и конца.

От начала до конца знал его только отец. А если такого предания вообще не было, и это просто выдумки отца? И все же он чувствовал, что оно каким-то образом касается его самого. Иначе он и не вспоминал бы о нем, да и отец не рассказывал бы... Отец говорил, что все предание до конца он поведаст его сыну, то есть своему внуку.

А он уже столько лет ждет, что вырастет, женится, родится у него сын, ждет конца предания. Он только-только начал чувствовать, что жизнь интересна, достойна любви.

Думая о том, что не любил мать с отцом вволю, не исполнил их мечты, он расстраивался, задыхался от отчаяния и, может, не от жары потел, а от стыда и сожаления. Как же так получилось, что чувства эти пришли к нему теперь? Откуда ему знать. Наверное, чтобы что-то почувствовать и оценить, надо уйти от него, отдалиться. Пока человек счастлив, он не знает этому цены. Что имеем, не храним, потерявши, плачем. Несомненно, это были мудрые мысли, и повидавшие жизнь отец с матерью обязательно поймут его. Хотя бы потому, что отцу-чабану, хорошо знакомо, как неделями и даже месяцами находиться

вдали от семьи. Он не раз говорил об этом. И в доказательство приводил ему историю Чабана, песню его... Отец был странным человеком. Подолгу не бывал дома. Слухами о нем день деньской полнилось село. То говорили, что он держит Волка в горах, то, что отара его сорвалась с обрыва. А он не верил ни одному из этих слухов и любил отца.

Отец дал слово рассказать все предание о Чабане его сыну. Тогда и он услышит его... Со злостью рванув дверь, вошел пожилой мужчина. Недоверчиво глядя в глаза, спросил:

- Что ты ему сказал?

Молодой испугался и против желания поднялся на ноги:

- Ничего. Сказал, три дня, как вышли из села. Ружье – деда, сын Мириша нас с отрядом отправил в лес.

Увидев округлившиеся вытаращенные глаза пожилого мужчины, стал оправдываться: «Ты ведь сам сказал, что командир – сын Мириша. А он спросил, кто такой Мириш, я сказал, что не знаю, знает Халил, то есть ты... В конце сказал, что по дороге нашли танк, прикрыли его, но сколько не думаю, не могу вспомнить, где... Он пообещал вернуть дедово ружье, если вспомню.»

Потом, как ни в чем не бывало, продолжал: «Вернет, не так ли? Может, ты скажешь, где танк? Ты хорошо знаешь те места. Мне голову солнце припекло. Ничего не могу припомнить. На что нам старый танк? И потом я на такие вещи не обращаю внимания. Что видели, то и сказал...»

При виде полных ярости глаз пожилого мужчины у него мурашки побежали по телу.

- Этого нельзя было говорить? Я и не знал, что нельзя... Он не похож на плохого человека. Ругал тех, кто затеял эту войну и воды мне дал. Сказал, что у него было много друзей-азербайджанцев... И еще сказал, что это не военная тайна... Разве это военная тайна? – испуганно смотрел он в лицо пожилого мужчины...

- Какая еще военная тайна? – разозлился мужчина и, подойдя, встал прямо перед ним. – Меня это не волнует. Тот танк мой, я его нашел! Еще раз вспомнишь о нем, сам тебя убью, - и, показав свои крепкие волосатые руки, отошел и сел в стороне...

Молодой не ответил, только покосился на его волосатые руки. «Осел, сын осла», - подумал он и выругал про себя и танк, и его самого...

Пожилой, словно прочтя его мысли, сказал:

- Что ты там бормочешь себе под нос. Мужчиной надо быть, но ты, кажется, не понимаешь таких вещей...

Угроза в голосе мужчины будто придавила парня, и он не ответил. Через некоторое время он тоже присел, взял прутик и стал ковырять землю. Сам того не желая, он рисовал танк. Что ему потом взбрело в голову, но язык его не мог успокоиться:

- Если бы ты мог убить человека, не позволил бы Армику привести себя сюда, - сказал он, сам удивляясь своей смелости.

От слов этих кровь ударила в голову пожилому мужчине. Внезапно вскочив, он подошел к нему и, не давая подняться, ударил. Голова парня дернулась на тонкой шее и вернулась обратно. Он промолчал. Слеза скатилась по щеке:

- Я хочу домой, хочу видеть маму и папу, понял, к черту тебя и твой танк. Даже собака тебя знать не желает, гяур несчастный...

- Гяур – твой отец, твой ошалевший отец! - закричал пожилой...

- Не тронь отца моего, - отвечал парень.

- А ты не тронь танк.

Походив по сараю, мужчина сказал:

- Ты хоть знаешь, что значит всю жизнь мечтать о новой машине? Знаешь, что такое танк? Я на нем за десятерых трактористов работать буду.

- Знать ничего не хочу, - твердил свое молодой, - домой хочу, время приема в институт приближается, я экзамены должен сдавать... Два года готовлюсь. Не везет. А они меня торопят...- Потом, вздохнув, тихо продолжал: «Старикам нужен внук, чтобы сказки ему рассказывать, жалко мне их... У тебя есть уже все. Я домой хочу...»

Жалкий вид парня как будто привел его в чувство. Вспомнилась жена, старая мать, сын в армии. «Где они теперь?» - подумалось ему. Может, армяне сожгли село... Потом подошел и погладил парня по голове, он в сыновья ему годился.

- Ты – ребенок, - сказал он. – Человек должен быть твердым. Мы – пленники. Не видел, что ли, в кино?

Молодой оттолкнул его руку:

- И ты, и танк твой противны мне.

Положив голову на землю, он закрыл глаза.

В полудреме видел дом, бабушку и дедушку, в детстве водивших его за руку по садам, лесам. Его пронзило ощущение радостно-беззаботных дней... Через какое-то время он поднялся и достал из кармана блокнот, сделанный из ученической тетради. До экзаменов оставалось три дня.

- Какое число сегодня? – спросил пожилой мужчина.

- 28 июля, - сквозь зубы ответил молодой... - Ребята через три дня экзамены будут сдавать... Я пришел сюда на один день. Сейчас все к экзаменам готовятся, кроме меня... Ну, зачем мы нашли тот дрянной танк? Из-за него отстали от отряда... Наша телега и то лучше...

- Это судьба, - ответил пожилой.

- Он тебе не достанется... Никому не достанется...

Пожилой мужчина ничего не сказал. Подойдя к двери, посмотрел в отверстие.

- До осенней пахоты недалеко, - сказал он и закурил сигарету, взятую у Армика. – Может, закуришь? – предложил он парню.

Тот, покачав головой, лег на спину и снова подумал о доме...

Скоро пришел Армик, они видели тень его. Пожилой подошел к двери и попросил принести воды.

- Будет вода, кум, все будет. Анаит прислала тутовую водку, и твои любимые кутабы завтра принесет. Я заказал. Ты только место назови. Нам проценты выплатят..., - уговаривал Армик. – Командир наш ишак, кляча, он из Еревана. Никакой дружбы не признает. Зачем вам все это? Скажете, и дело с концом. Он не будет его против вашей стороны использовать. Продать хочет, понял...

- Не приставай, кум, - сказал пожилой мужчина. – мы с тобой вместе хлеб-соль ели. Все равно не скажу. Это судьба.

Армик продолжал умолять: «Ну, какой же ты упрямый, кум. Разве не хочешь вернуться к детям? Отпустим вас. Думаешь, нам нужна война? Кому она вообще нужна? Я, как и ты, тракторист. И командир это знает. Говорит, пусть скажут, где танк, отпустим... Клянусь Аллахом, если и не отпустит, я помогу вам бежать.

Пожилой молчал...

- Честное слово, не знал, что ты такой упрямый. Зачем тебе этот старый танк? Все равно никто тебе его не даст. Танк не для тракториста, он солдату нужен...

Армик долго говорил, потом куда-то ушел. Пожилой глубоко вздохнул, так, словно освободился из плена.

- Болтун, трепач, сукин сын, - сказал молодой, - лучше бы глоток воды принес...

Каждый сидел в своем углу, ковыряя землю, точно на нервы им плеснули холодной воды. И как будто вся эта заваруха не имела к ним отношения. Запах навоза в сарае мешался с духотой. Оба рукавами и полами пиджака вытирали с шеи пот.

Пожилой мужчина думал о том, как станет использовать найденный танк, как приспособит для сушки кизяка дуло его, поставив у ворот лицом к дороге. «Пусть лезет в глаза завистникам. Никто перед ним не устоит». На сердце у него от этих мыслей полегчало. Потом мечты его оставляли. А вдруг не суждено ему этого счастья? И тогда сердце его готово было разорваться... Он и во сне оглаживал холодный корпус танка, восхищался его большими гусеницами...

Молодой же в это время думал о соседке по парте, слышал ее радостный звонкий голос, гладил волосы, как во сне. Будь они в селе, эта девушка сейчас помогала бы его

матери лепить кизяк, хлеб печь. А отец бы подмигивал ему, глядя на них. Потом спросил бы тайком: «Может мы женим тебя? Видишь, матери нужна помощница». Ничего не отвечая, он в душе строил бы планы на будущее. Он обязательно поступит в вуз, поедет в город, которого еще не видел, а потом женится, конечно, на «ней», на ком же еще...

Вечером того же дня их как следует избили. А после Армик украдкой принес им воды...

- Ты был прав, Армик – хороший человек, - едва ворочая распухшим языком, проговорил молодой и заплакал... Пожилой согласно кивнул головой.

- Я домой хочу. Если мать увидит меня в таком виде, сердце ее не выдержит. Говори, где это место! Не могу вспомнить, сколько ни думаю, - вздохнул молодой. Потом, забившись в угол, уставился перед собой... Через какое-то время запел вполголоса песню из предания, недосказанного отцом. «В небе светится звезда... на земле под нею я... впереди дорога дальняя...»

- Что это за песня? – спросил мужчина.

- Это не песня, напев. Напев Чабана, жившего в пещере с Волком, обидевшись на друзей и людей за предательство их. Рассказ о Чабане и сыне Волка. Отец расскажет это предание моему сыну, - и заложив руку за голову, снова запел. Сейчас он вдруг почувствовал, что его выводит из себя то, что он не знает до конца этого предания... А что потом, а Чабан, а Волчий сын Волк ... «В небе светится звезда, на земле под нею я, впереди дорога дальняя. С неба месяц вниз глядит. Луноликая мать у калитки стоит. Все-то она на дорогу глядит. Ей успею, ей скажу, в дальний путь я ухожу». Я домой хочу, - грустно-грустно сказал парень.

Вскоре пришел Армик. И, стоя в дверях, опять ворчал:

- Не назовете места того проклятого, и меня к вам посадят. Ереванец, эта тупая свинья, проорал мне сегодня об этом при всех. Если меня посадят сюда, все пропало. И вы, и я, и все, что принесет Анаит... Командир сказал, вы люди одной земли, друг друга знаете хорошо, друзья детства. Тебе он скажет. А я ему ответил, слышишь, ответил: «Разве позволили вы нам дружить. Всех сделали врагами». Он таких вещей не понимает. Хоть ты пойми...

Немного поговорив, Армик снова ушел куда-то...

Молодой не слышал, что он говорил. Закрыв уши руками, думал, сам не зная, о чем. От побоев он весь почернел. Ничего не мог вспомнить. Думал о том, что причина этих побоев не война, не люди, а проклятый танк... Потом повернулся к пожилому мужчине:

- Разве такой бывает война!? Разве таким бывает плен!? Не стреляли, ни выстрелов не слышали. Как дураки, попались Армику в лапы... Не послушался я плача матери, ее мольбы. Всего на день пришел... Война такой не бывает, я видел в кино... И Армик оказался знакомым, твоим знакомым, иди теперь и говори с ним сам, скажи, что через день у меня экзамены, я домой хочу. Скажи, что я не знаю, где эта рухлядь, пусть меня отпустят. Я сразу уеду в Баку, к родственникам. И винтовку деда пусть вернут мне. Я слово ему дал, что никому ее не отдам... Подумав немного: - Ладно, пусть и винтовка им остается, скажу деду, что потерял, - он с надеждой посмотрел на пожилого...

Мужчина, лежа на спине, смотрел куда-то на затянутый паутиной потолок. И будто не слышал его. Потом сел и сказал:

- На Армике нет греха. Что поделаешь, он такой же тракторист, как и я. Мучают его, наверное... Он и сам не знает, что такое война. И я не знаю. Я тоже ее видел только в кино.

- Будь он проклят! Кто просил его караулить людей у нашего села? Звери мы, что ли? Недавно коров наших покрали. Скорее всего, это они и были. – Резко поднявшись, пожаловался: «Этот осел, кляча из Еревана, кулаки у него больше твоих, так ударил по почкам, что и помочиться не могу...»

... Командир сделал, как сказал. Наутро и Армика посадили к ним, по другую сторону перегородки. Армик говорил, что его будут держать здесь, пока не укажут места танка.

- Будь проклято все: и Карабах этот ваш, и танк. Ради меня, кум! Анаит должна прийти. Мне неловко. Ты ведь всегда понимал меня, выручал.

- Не скажу. И знать буду, не скажу. Ты когда-нибудь водил новый трактор? Ты видел, как пашет танк? – мужчина поднялся на ноги и закружился на месте, урча, как трактор...

- Почему не видел, видел... Только тем танком не пахать нам земли, - сказал Армик.

- И напрасно, а я вспашу. А если продавать, сам продам, тому кривоносому не дам. Танк мой, я его нашел...

Запавшие глаза молодого потемнели. Снова он подумал о доме, о бедных отце с матерью, о друзьях, вместе с которыми собирался поступать в институт... Пожилой мужчина беседовал с Армиком через перегородку.

- Где твой трактор?

- Стоит, наверное, где-нибудь под солнцем, без дела, - ответил Армик и поинтересовался его трактором.

- Вы хоть дали поработать? Побросали, вот, свои дома, бездомные теперь... - Помолчав, повернулся к Армику. – Мы-то с тобой чем виноваты? Проклятие Аллаха на голову злодеев. Мой все равно уже старый был, - добавил он, и где-то в глубине души помягчел к войне. Если бы не она, где бы он нашел танк. Это его танк. С большим корпусом, брошенный на дороге и найденный им. Он и не подумает его кому-то отдавать. Теперь не прежняя власть, не те времена, чтобы отобрать его у него. Он подумал и спросил: «Ты здесь нашего пацана не видел?» Не получив утвердительного ответа, сказал:

- У тебя была хорошая тутовая водка.

- Все осталось там. Иногда Анаит с ребятами посылает.

После обеда Анаит прислала еды, водки, и Армик прошел на их сторону...

Выпив водки, они захмелели.

- Помнишь, - говорил Армик, - как выпивали мы в лесу..., как дети играли. Как однажды твой сын потерялся, и как, напившись, свалили мы трактор с моста...

Оба готовы были расплакаться. Откинувшись головами к стене, запели песню. Первым затянул пожилой мужчина: «Не стреляй в меня, охотник, я – марал этих гор...» Армик стал подпевать. Пели по-азербайджански...

«Я – марал Карабаха». Потом поспорили. Армик говорил: «Это наша песня». Пожилой мужчина поддел его: «Когда это она стала вашей? Может отец твой Ашот ее сложил?...» Но в конце концов сказал: «Ладно, пусть будет вашей, что у вас есть-то, у сирот несчастных... Все равно с утра до ночи наши песни поете».

- Вот тут ты прав, - согласился Армик.

- А помнишь, - спросил пожилой мужчина, - отлогую балку. Так и не смогли вспахать виноградник Мухаммеда. Все говорили, проклятое место. Как ни бились, не пошел туда трактор... Но теперь вспашем, - и представил, как пашет землю на танке. – Не дадим им танк, они как пришли, так и уйдут. А земля останется. Сами будем пахать, как в былые времена, - закончил он и высоко затянул песню.

- Не дадим, - причмокнув, сказал Армик, обнял пожилого за голову, поцеловал в лицо, и расстроившись вконец, опрокинул бутылку в рот.

Сторож заглянул в отверстие двери:

- Что раскричались?

Армик запустил в его сторону бутылкой.

- Ты – мужик, Армик. Потому скажу тебе, где танк. Кто знает, что как сложится в этом мире.

И приблизив губы к уху Армика, что-то сказал ему...

Парень сидел в углу и думал. Не хотел к ним присоединиться. Сидел один, взяв немного еды, присланной Анаит, и все еще держал ее во рту...

На следующий день, с утра пораньше, Армика увели. Командир сказал, что больше они его не увидят.

- Бедняга, Армик, - проговорил пожилой мужчина. – Где он теперь? Анаит даже не глянула на меня. Сказала: «Вы моего мужа сделали бездомным».

- Не мы, а твой танк, - отозвался молодой.

- Еще неизвестно, кто кого без дома оставил. – Помолчав добавил. – Армика увезли в Ереван, в отдел фильтрации. Армик нас не продаст. Никому не скажет, где танк. Не верю. – И потом громко, может, в утешение себе, сказал: - Что из того, что армянин. Он ни в чем не виноват... И земля – она для всех. Танк – наш, а не тех, кто воюет. Его нельзя им отдавать. Они, эти ослы – военные, не смогут его оценить по достоинству.

Чтобы разозлить пожилого мужчину, парень сказал: «У Армика хороший нос, как плуг, прикрепил к задку танка».

Ни у того, ни у другого не было сил спорить. Каждый ушел в себя. Наконец, молодой проговорил: «Не могу терпеть. Сил нет». Командир дал им время до завтра. Потом грозился расстрелять.

С тех пор, как ушел Армик, им не давали ни хлеба, ни воды...

- Я даже не женился, - уже в который раз молодой повторил эти слова, но на сей раз уже без стеснения. – Мать, провожая, говорила: «Женился бы, так хоть от ребенка вдыхала бы твой запах». Мне жалко отца с матерью. Чем они виноваты?

Посмотрев на парня, ровесника сына, пожилой вздохнул: «От моего сына тоже нет вестей». Потом добавил: «Даже и скажу, какой толк». Почувствовав, что смягчается, сказал: «А и будет толк, не отдам. Он мой, понял, только мой.»

На этот раз молодого жестоко избili.

Забившись в угол, он дрожал.

- Завтра нас расстреляют, - парень заплакал.

- Мужчины не плачут. Не расстреляют. Пока не скажем, где танк, нас не убьют. Им нужен танк, а не наши трупы.

У молодого болел живот, губы посинели.

- Скажи, где этот злополучный танк, пусть убьют, хоть мучиться перестанем, - говорил он, и слезы текли из глаз. Скоро он уже плакал навзрыд, ладонями размазывая грязь по лицу. Через какое-то время притих. Кажется, устал. Потом впал в забытье. Вспоминал дом, мать, отца. «Хочу домой.»- пробормотал... Опять забылся, после встал, помочился у стены.

- Ну, ты зачастил, - сказал пожилой. – Сидеть здесь невозможно от твоей вони.

- Мы ничего им не сделали, - парень был в своем мире, и, казалось, не слышал его. - Я видел, как расстреливают людей. По телевизору. Больно, наверное? – спросил он, почему-то схватился за живот и повернулся к мужчине. Он так спрашивал, как будто мужчину уже несколько раз расстреливали.

Пожилый не ответил сразу, подошел через некоторое время и положил руку парню на плечо. Тот вздрогнул и затрясся... «Не бойся, - сказал мужчина, чтобы успокоить его. - Аллах милостив. Насколько я знаю, это не больно...»

Походив немного, опять заговорил: «Нас не убьют, не верю... Кто знает, что как сложится в этом мире. Вдруг, глядишь, дверь откроется, и мы убежим... Не видел что ли в кино? Сам говорил – Волк, сын Волка, выходит из пещеры. Какая разница как? Главное, что выходит... Даст Аллах, все кончится хорошо...»

- Даже если и не больно, я не хочу умирать. Если мать увидит мой труп, сердце ее не выдержит. Дядю моего армяне застрелили в голову. Может даже твой Армик...

На этот раз мужчина не обратил внимания на его слова.

- Мама так его оплакивала..., - проговорил молодой и задрожал, вены его набухли, изо рта пошла пена, и он лег в сторонке... Потом вдруг резко вскочил. – Не хочу никаких сказок! Какая мне разница, что случилось с Чабаном! Все это – его грехи.

Мужчине показалось, что парень бредит, а тот уже ругал и его, и танк, и Армика, и их матерей... «Ишак, ишачий сын... Завтра день экзаменов... Я больше не увижу свой дом...»

Мужчина не отвечал. Держался, как мог. Ради парня. Если б не парень, наверное, и у него бы уже сдали нервы, и он бы вышел из себя.

Танк потерял уже для него значение. Но назад дороги не было... В мечтах он убирал танк цветами...

Рези в животе у парня прекратились. Но то жажды болел желудок и кишечник. Чтобы забыть о боли, он думал о доме, матери, отце. Мать сейчас стоит у калитки, смотрит на дорогу, ждет его возвращения. Он даже не знает, заката ждет или его. Конечно, его. Иначе не стояла бы весь день у калитки. Опять вспомнил песню Чабана. «Пришло время и Волк, сын Волка, вышел из пещеры...» Но как? Она ведь была закрыта...

- Эй вы, турки, свою Келмеи шахадат¹ знаете? – издеваясь над ними, спросил карауливший их армянин и помочился внутрь сарая через отверстие в двери.

Молодой испуганно забился в угол.

- Я не хочу умирать, - сказал он. – Может, и расстреливать нас не будут. Тот, что был рядом с командиром, сказал, что мы вас не расстреляем. Не хотим, чтобы кровь турков пролилась на эту землю. Мы вас повесим... он мне и веревку показал... Вот такая толстая, - показал он... Потом, повернувшись к пожилому мужчине, вертя перед ним руками, закричал: «И где же твой Армик?»

От ночной прохлады головы их немного прояснились, но наступление завтрашнего дня таило в себе опасность. Ни один не хотел верить в то, что завтра их убьют.

Первым заговорил мужчина:

- Не убьют нас, не верю. Армик не позволит. И где танк, не скажет...

Молодой словно не слышал его. То и дело забывался от жажды и слабости. Видел долгую дорогу, по которой шли, вспоминал родник, где в детстве пил воду. Сколько ни давал ему дедушка воды, он не напивался, сам становился на колени, припадал к роднику, но жажды утолить не мог. Потом он увидел сухой дуб. Дуб зацвел. Это было удивительно. Такие цветы доверху покрывали гору, с которой он вечно падал во сне. Посмотрел с горы вниз... И увидел спрятанный танк... Он сразу проснулся, вскочил и бросился к двери с криком: «Вспомнил!»

- Что? – удивленно спросил мужчина.

- Танк. Он около сухого дуба... Я хочу домой, - ногами пиная дверь, кричал он.

Мужчина бросился к нему, обхватил сзади, сжимая горло руками. Парень стал царапать ему руки, лицо, глаза...

Пожилой мужчина, кроме автоматной очереди и своего воя, ничего больше не услышал...

Трупы столкнули в свежевырытую яму.

- Напрасно ты это сделал, кум, кто знает, что ждет нас в этом мире, а танк мы продали, - сказал Армик и отвернулся.

Март 2000.

¹ Келмеи шахадат – предсмертная молитва мусульманина